

Арктика и Север. 2026. № 63. С. 280–301.

Научная статья

УДК 316.334.56(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.63.280>

Сообщества работы: чувство места в контексте монопрофильного арктического города

Недосека Елена Владимировна^{1✉}, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник

Шарова Екатерина Николаевна², кандидат социологических наук, доцент

Лизова Вероника Андреевна³, студент

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, Россия

^{1,2} Мурманский арктический университет, ул. Егорова, 15, Мурманск, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Галерная, 58-60, Санкт-Петербург, Россия

¹ nedelena-24@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

² kateshar1@ya.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

³ veronica.lizova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6166-3692>

Аннотация. Целью настоящей статьи является содержательное определение чувства места норильчан, представляющих собой городское сообщество работы. Под сообществом работы предлагается понимать жителей промышленного моногорода, объединённых общей ментальной концептуализацией в отношении тех, с кем они живут, работают, общаются, разделяют общие ценности, для которых профессиональная и корпоративная идентичности являются доминантными и определяют характер и направления устойчивости городского сообщества. Теоретической рамкой исследования выбраны положения социального конструктивизма, рассматривающие социальные идентичности как множественные дискурсивные конструкты современного глобализованного мира, в котором утрата места и связей с сообществами являются следствиями происходящих изменений. В качестве основного концепта для выявления характеристик локального нами было выбрано *чувство места*, возникающее в результате взаимодействия со средой и содержательно отражающееся в её интерпретации жителями. Методологическим основанием работы послужил метод качественного анализа текста, в частности нарративный анализ. На эмпирическом уровне проведено детальное описание субъективного восприятия города Норильска на основании а) текстовых сообщений, постов и комментариев к ним за 2021–2024 гг. (общее количество постов составило 4 511, из них было выбрано 110 постов, число комментариев к которым превысило 50); б) индивидуальных глубинных интервью (18 человек — работники Надеждинского металлургического завода имени Б.И. Колесникова; Талнахской обогатительной фабрики; рудника «Комсомольский»). Проведённый анализ позволил определить основные доминанты «чувства места» норильчан как городского сообщества работы: амбивалентная эмоциональная привязанность к городу; восприятие Норильска как «места не для всех» и города промышленной корпорации с особым профессиональным профилем — профессиями тяжёлого труда.

Ключевые слова: городские сообщества работы, чувство места, Норильск, Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ), публичный дискурс, онлайн-сообщество

* © Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Лизова В.А., 2026

Для цитирования: Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Лизова В.А. Сообщества работы: чувство места в контексте монопрофильного арктического города // Арктика и Север. 2026; 63: 280–301. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.63.280>

For citation: Nedoseka E.V., Sharova E.N., Lizova V.A. Work Communities: Sense of Place in the Context of a Single-Industry Arctic City. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 63: 280–301. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.63.280>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 124041100097-9 «Социальное самочувствие и жизненные стратегии населения арктических территорий России».

Work Communities: Sense of Place in the Context of a Single-Industry Arctic City

Elena V. Nedoseka¹✉, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Senior Researcher

Ekaterina N. Sharova², Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor

Veronika A. Lizova³, Student

¹ Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, ul. 7-ya Krasnoarmeyskaya, 25/14, Saint Petersburg, Russia

^{1,2} Murmansk Arctic University, ul. Kapitana Egorova, 15, Murmansk, Russia

³ Saint Petersburg State University, ul. Galernaya, 58-60, Saint Petersburg, Russia

¹ nedelena-24@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

² kateshar1@ya.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

³ veronica.lizova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6166-3692>

Abstract. The aim of this article is to provide a substantive definition of the sense of place among the residents of Norilsk, who constitute an urban working community. The term “working community” is used to refer to the residents of an industrial single-industry town, united by a shared mental conceptualization of those with whom they live, work, communicate, share common values, for whom professional and corporate identities are dominant and determine the nature and directions of the urban community’s sustainability. The theoretical framework of the study is based on the principles of social constructivism, which views social identities as multiple discursive constructs of the modern globalized world, in which the loss of place and ties to communities are consequences of the ongoing changes. As the main concept for identifying the characteristics of the local, we chose “sense of place”, which arises as a result of interaction with the environment and is meaningfully reflected in its interpretation by residents. The methodological basis of the work was the method of qualitative text analysis, specifically narrative analysis. At the empirical level, a detailed description of subjective perception of the city of Norilsk was carried out on the basis of a) text messages, posts and comments to them for 2021–2024 (the total number of posts was 4,511, of which 110 posts with the number of comments exceeding 50 were selected); b) individual in-depth interviews (18 people, employees of the Nadezhda Metallurgical Plant named after B. V. Kolesnikov; the Talnakh Concentrator; the Komsomolskiy Mine). The analysis allowed us to identify the main dominants of the “sense of place” among Norilsk residents as an urban working community: ambivalent emotional attachment to the city; perception of Norilsk as a “place not for everyone” and as a city of an industrial corporation with a special professional profile — heavy labor professions.

Keywords: *urban working communities, sense of place, Norilsk, Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), public discourse, online community*

Введение

Пространственная структура современной России представлена многообразием поселенческих типов, среди которых особое место занимают промышленные арктические города, сохраняющие своё высокое значение в качестве экономических, логистических и стратегических центров.

В научной литературе и управленческой практике городские поселения за полярным кругом относятся к Арктической зоне Российской Федерации. В истории, структуре и социально-экономическом положении арктических городов (особенно промышленных) наблюдается много общего: многие из них — искусственно созданные поселения, возникшие в ре-

зультате советской политики расселения. Они располагаются в суровых природно-климатических условиях, имеют выраженную производственную структуру (чаще всего — монопрофильную), отличаются высокими показателями миграционной активности населения и слабо укоренёнными городскими сообществами. Несмотря на схожесть положения и вызовов, с которыми сегодня сталкиваются арктические города, необходимо выделить их социокультурные особенности, которые оказывают значительное влияние на ценностную структуру, локальную идентичность, чувство места конкретных северных социумов, а также создают особые контексты устойчивости этих сообществ.

Основным концептом, который, с нашей точки зрения, применим для выявления характеристик локальной идентичности, является концепт *чувство места*. Цель статьи заключается в содержательном определении чувства места норильчан как жителей города не только «вокзального состояния» (цит. по (Гонина, 2015), но и города с доминантными корпоративной и профессиональной идентичностями — сообщества работы.

Теоретическая рамка исследования

Отношения человек — место сложны, контекстуальны и зависят от множества факторов. До недавнего времени в научной литературе преобладало представление о взаимосвязи процесса глобализации и утраты чувства места, когда отсутствие эмоциональной связи с окружающим городским ландшафтом достигает кульминации в ощущении «безместности» (Недосека, Ненько, Порошина, 2024).

Осмысление глобализации и её влияния как текучей современности привело З. Баумана к рассуждениям о «проклятии конструирования идентичности» современного человека, где гибкость социальных границ, рынка труда и повышенная мобильность приводят к утрате связей с местом и низкой социальной сплоченности сообществ (Бауман, 1996). Рассуждая в похожем ключе, британский социолог Я. Габриэль отмечает, что идентичность в глобализации основана на представлениях об образе, подвижном возросшим потребительством и неолиберальными предположениями об индивидуализированной меритократии и суверенитете потребителя. Он утверждает, что возросшая мобильность, связанная с карьерой и перспективами образования, отделила людей от их традиционных идентичностей, основанных на месте, и заставила их идентифицировать себя с «видимыми» материальными благами и профессиями (Gabriel, 2005). Аналогичным образом Р. Томас и А. Дэвис предполагают, что в условиях глобализации люди испытывают повышенную неуверенность, уязвимость и тревоги по отношению к принадлежности к сообществам, в частности профессиональным (Thomas, Davies, 2005). Согласно этим предположениям, локальность и чувство места являются центральными концептами в определении идентичности в контексте глобализации. Представленная точка зрения разделяется не всеми исследователями: в частности, Э. Кесей отмечает, что разрушительные последствия глобализации приводят к возрождению чувствительности к месту (Casey, 1997). Похожее понимание мы встречаем в работах фено-

менологов, в которых чувство места интерпретируется как естественное условие человеческого существования в меняющемся мире (Хайдеггер, 2003; Norberg-Schulz, 1979).

Переходя к содержательному анализу понятия, важно отметить, что чувство места проявляется как в субъективном опыте людей (воспоминаниях, традициях, истории, культуре и группах), так и связано с объективными внешними воздействиями среды (ландшафт, запахи, звуки), которые формируют различные ассоциации с местом. Таким образом, чувство места — это субъективное восприятие и отношение людей к присвоенной или неприсвоенной окружающей среде, возникающие в результате взаимодействия с ней. Оно выражается в описательных и эмоциональных репрезентациях опыта этого взаимодействия. При этом сама среда представляет собой комбинацию физических и социальных параметров, подверженных влиянию следующих факторов: исторических (продолжительность существования самого места, исторические вехи его развития) (Devine-Wright, Lyons, 1997; Hay, 1998; Low, 1992); демографических (возрастные группы, мобильность, интенсивность миграции населения в данном месте); социальных (качество социального капитала людей, система ценностей, социальные связи жителей данного места); физических (тип, размер, масштаб, компоненты, климатические особенности места) (Steele, 1981); символических значений, связанных с местом (Stedman, 2002; Stedman, 2003).

Отношение людей с местом или социальные практики и действия, происходящие в определённом контексте, формируют образ жизни и повествование о самоидентичности (Giddens, 2023). Люди создают свои идентичности на основе своих повествований о местах в соответствии с изменениями. Фактически повествования являются нематериальным наследием мест. Они создают уникальное чувство места (Graham, Mason, Newman, 2009); жизненный опыт, связанный с повседневной жизнью и опытом людей в отношении мест (Stewart, 1996). В этой интерпретации чувство места тесно связано с «идентичностью места» и «привязанностью к месту» (Relph, 1976; Tuan, 1977). Люди, их культура и привычки, являются нематериальными аспектами городских территорий, которые создают уникальный дух или чувство места (O'Donnell, Turner, 2012). Если изменения в физической среде не управляются таким образом, чтобы защитить социальные взаимодействия и чувство места, воспоминания померкнут, и может возникнуть чувство отчуждения (Wang, 2016).

Вместе с тем важно отметить, что сообщества работы, такие как города с одной отраслью промышленности, являются примером местности, где организационная сфера объединена с основой индивидуальной и общественной жизни. Более того, эти города переживают значительные перемены в результате изменений в промышленности, обучении, образовании и социальном обеспечении, а также глобальных тенденций усиления корпоративной глобализации и изменений в работе. Под сообществом работы мы понимаем жителей промышленного моногорода, объединённых общей ментальной концептуализацией в отношении тех, с кем они живут, работают, общаются, разделяют общие ценности, для которых профессиональная и корпоративная идентичности являются доминантными и опреде-

ляют характер и направления устойчивости городского сообщества. Это конкретные «воображаемые аудитории, состоящие из личных, профессиональных, общественных и / или призрачных связей» (Litt, Hargittai, 2016).

В данной статье мы фокусируем внимание на эмпирическом исследовании чувства места в отношении городской среды, которая по объективным причинам является малопривлекательной с точки зрения климата, экологического состояния и благоустройства. Важным акцентом в исследовании является статус города как монопрофильного с ярко выраженной корпоративной и профессиональной идентичностью. Сущностная природа города заключается в постоянном обновлении принимающего сообщества: люди практически не встречаются здесь старость ввиду нежелания жить на пенсии в суровых климатических условиях и быть захороненными в вечной мерзлоте (цитата из интервью: «здесь никто не хочет помираться»). В городе выстраивается особый стиль жизни, связанный с суровыми климатическими условиями, профессиональной занятостью, корпоративной принадлежностью и множественными территориальными идентичностями, однако привязанность к нему в виде особой идентичности «северного человека» может сохраняться даже после того, как человек меняет место своего жительства.

В данном эмпирическом исследовании мы акцентируем внимание на определении дискурсивного конструирования чувства места в городе Норильске, который является индустриальным и жизненным фронтиром (Замятина, 2007). Для получения данных о дискурсе чувства места жителей Норильска мы опираемся на результаты глубинных интервью и цифровой след его жителей, то есть высказывания о городе, которые создаются горожанами как пользователями социальных сетей (публичный дискурс). Мы исследуем нарратив, который создают жители посредством высказываний и текстовых сообщений, описывая своё отношение к городу, и выявляем в нём те доминанты, которые содержательно отражают чувство места норильчан. Во многом благодаря социальным сетям мы можем фиксировать трансформацию отношений горожан со временем, пространством и друг с другом и наблюдать укрепление значимости отдельных мест и «локальных порядков», которые репрезентируются в том числе через городские паблики (Запорожец, Лапина-Кратасюк, 2015). Широкая представленность городских сообществ в социальных сетях свидетельствует о воспроизводстве потребности не только в физической (географической) близости, но и ментальной. В рассуждениях З. Баумана ментальная (духовная, нравственная) близость заключается в способности (желании) людей испытывать чувство сопричастности: воспринимать других людей как субъектов, со своими собственными целями и правами на их достижение; с подобными ценностями и эмоциями (Бауман, 1996).

В научной литературе исследования по Норильску встречаются нечасто, мы особо отмечаем работы Н.Ю. Замятиной и Н.В. Гониной, которые предметно изучали особенности локальной идентичности норильчан. В работах Замятиной Н.Ю., помимо особого качества «северности» норильчан, связанного с жизнью в экстремальных температурах, и чувства

удалённости («материк» — как всё, что находится за пределами Норильска), автор выделяет фронтирность как особое пограничное (полюсное) состояние: чистота тундры и техногенная грязь комбината; высокие технологии и выматывающий физический труд на производстве; свет и тьма полярных дня и ночи; холод на улице и жара в квартирах; тяжёлая работа и длительный комфортный отпуск (Замятина, 2007; Замятина, 2014). Н.В. Гонина акцентирует внимание на таких качествах норильчан, как высокая адаптивность, повышенная повседневная активность, миграционные интенции — как состояние души, в частности, постоянная сезонная миграция как норма повседневной жизни. В своём исследовании она также затрагивает понятие чувства места и отмечает, что Норильск — не родина, а рабочее место (Гонина, 2015). Научная новизна представленного исследования заключается в двух аспектах: в теоретическом — развитие теоретических положений, связанных с концептом *чувство места* в городской среде особого статуса — монопрофильного города с ярко выраженной корпоративной и профессиональной идентичностями; второй аспект связан с эмпирическим исследованием, которое представлено методологией *mixed-methods*, включающей в себя данные глубинных интервью и данные цифрового следа норильчан, оставленного ими в социальных сетях.

Описание объекта исследования

Норильск, Талнах и Кайеркан образуют единое муниципальное образование, подведомственное краевым властям и не входящее в состав Таймырского района.

На сегодняшний день Норильск — типичный моногород, относящийся к 3-й категории монопрофильных муниципальных образований РФ — моногородов со стабильной социально-экономической ситуацией¹. Около 86,5% валового муниципального продукта (ВМП) обеспечивает промышленный комплекс города. По итогам 2020 г. объём промышленного производства территории составляет порядка 41% промышленного производства Красноярского края и почти 1,6% промышленного производства России. На долю Заполярного филиала ПАО «ГМК «Норильский никель» по итогам 2020 г. приходится около 80,6% ВМП муниципального образования и порядка 85,7% всего объёма промышленного производства².

История возникновения города начинается с 1930-х гг. и, как указывалось выше, связана с политикой советской индустриализации, приведшей к появлению целого ряда городов, возникших на «пустом месте» в связи со строительством заводов и комбинатов, ставших основой экономического развития страны. До 1950-х гг. поселенческое сообщество в основном формировалось из заключённых и вынужденных переселенцев, привлекавшихся для работ на рудниках. После упразднения Норильлага в 1956 г. в город (в 1953 г. Норильску был

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р. «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)». URL: <http://government.ru/docs/all/92337/> (дата обращения: 24.03.2025).

² Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Норильск до 2035 года как опорного города Арктики (Восточной Арктики). URL: <https://xn--80aaihqaohqkqgkfec2pxb.xn--p1ai/upload/strategy2035.pdf> (дата обращения: 24.03.2025).

присвоен статус города) потянулись молодые энтузиасты, романтики, бойцы студенческих строительных отрядов. Городское сообщество представляло собой социальный микс из групп бывших заключённых и добровольно приехавших на советские стройки людей. Начиная с 1960-х гг. город застраивался жилыми домами и наполнялся социальной инфраструктурой, постепенно преобразуясь до узнаваемого сегодня вида.

Начало 90-х гг. XX в. город встретил так же, как большая часть промышленных центров уже распавшегося советского государства: на повестке дня стояли вопросы перераспределения собственности, приватизации промышленных предприятий, остановки программ развития городской инфраструктуры. Как следствие, вырос отток экономически активного населения, в первую очередь молодёжи, произошло падение уровня жизни. Демографическая убыль, географическая удалённость и статус поселения закрытого типа накладывали свои отпечатки как на настроения горожан, так и на особенности их отношения к месту проживания.

Современный Норильск является третьим по величине городом в Российской Арктике после Архангельска и Мурманска. Обращает на себя внимание преимущественно отрицательная динамика численности населения на протяжении двух десятилетий практически среди всех городов. Для полноты описания объекта обратимся к статистическим показателям в контексте других городских поселений Арктической зоны РФ. За основу были взяты наиболее крупные по численности населения городские округа АЗРФ (всего 9 городов из 5 субъектов АЗРФ): Архангельск, Мурманск, Норильск, Северодвинск, Новый Уренгой, Ноябрьск, Воркута, Североморск, Апатиты.

По итогам переписи 2010 г. наиболее резкое снижение численности населения отмечено в Воркуте (-28,1%) и Норильске (-20,5%). Напротив, заметно увеличился в размерах Ноябрьск (+14,7%). В остальных городах отрицательная динамика незначительна — в пределах 10%.

По итогам переписи 2020 г. (в 2021 г.) картина выглядит совершенно иначе, за исключением неизменного лидера сокращения населения — Воркуты (-28,5%). Резко сократился Североморск (-25,6%), занявший второе место после Воркуты. Также стала более заметной убыль в тех городах, где она не превышала 10% по итогам переписи 2010 г. (Северодвинск, Апатиты, Архангельск, Мурманск — от 12,0% до 18,3%). При этом Норильск практически сохранил имеющуюся численность населения, показав минимальное снижение (-0,6%).

По состоянию на 01.01.2024 г. среди всех городов наблюдается достаточно стабильная ситуация с минимальными изменениями. Норильск вошёл в число городов с незначительной положительной динамикой (вместе с Ноябрьском и Североморском) — увеличение на 1,3%. Все остальные города сократились в пределах, не превышающих 3%.

Таким образом, в Норильске отмечается резкое сжатие в период с 2002 по 2010 гг., а позднее можно говорить о стабилизации численности населения с тенденцией к положи-

тельной динамике. В этом заключается определённая специфика демографической ситуации в Норильске, представленной в ретроспективе.

Таблица 1

*Динамика демографических показателей по г. Норильску в период с 2012 по 2023 гг.*³

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Естественный прирост (убыль), человек	1 658	1 604	1 683	1 675	1 484	1 423	1 349	1 279	1 087	850	833	860
Миграционный прирост, человек	-1 211	-2 864	-2 038	-540	-936	162	68	-439	-257	496	-1 173	1 101

Если говорить об источниках удержания населения в Норильске, то обратимся к показателям естественного и миграционного прироста (убыли), представленным в табл. 1. Норильск характеризуется устойчивым естественным приростом на протяжении последних десяти лет, в отличие от миграционных процессов, которые имеют разнонаправленный вектор (преимущественно отрицательный, но встречаются и положительные значения — в 2017–2018 гг. и в 2023 г.). Норильск представляет собой достаточно молодой город, если оценивать средний возраст его жителей — 35 лет. Для сравнения, в Мурманске данный показатель превышает 40 лет (рассчитано приблизительно, распределения по однолетним возрастным группам для лиц старше 70 лет отсутствуют в открытом доступе; при расчёте все представители этой категории учтены как семидесятилетние).

Неравномерность миграционных процессов также обращает на себя внимание. Из табл. 2 мы видим, что основными реципиентами населения являются другие регионы России, куда устремляется местное население в поисках лучшей жизни. В свою очередь, донорами для города выступают выходцы из ближнего зарубежья (стран СНГ и Балтии). Данная ситуация в целом типична как для других арктических территорий, так и для всех периферийных районов.

Таблица 2

*Динамика направлений миграции по г. Норильску в период с 2012 по 2023 гг.*⁴

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
в пределах России	-2 123	-3 717	-2 718	-1 407	-1 803	-436	-332	-977	-1 144	-787	-1 106	740
внутрирегиональная	-52	-446	-299	-57	-252	106	-37	152	-224	-133	-312	-154
межрегиональная	-2 071	-3 271	-2 419	-1 350	-1 551	-542	-295	-1 129	-920	-654	-794	894
международная	912	853	680	867	867	598	400	538	887	1 283	-67	361
со странами СНГ и Балтии	910	840	672	863	863	592	409	535	888	1 258	-68	375
с другими зарубежными странами	2	13	8	4	4	6	-9	3	-1	25	1	-14
внешняя (для региона) миграция	-1 159	-2 418	-1 739	-483	-684	56	105	-591	-33	629	-861	1 255

³ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

⁴ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

В контексте арктических регионов Норильск имеет собственные характеристики. Во-первых, это город, располагающийся в восточной части арктической зоны, которая отличается более суровыми природно-климатическими условиями (например, в отличие от Мурманской области, где течение Гольфстрим значительно смягчает климат). Во-вторых, продолжительная зима, полярные ночь и день субарктического типа накладываются на удалённость города и его логистическую труднодоступность: противопоставление себя жителям «материка» (как уже отмечалось выше) — распространённая в городе практика. В-третьих, несмотря на масштабные проекты компании ПАО ГМК «Норникель» по утилизации серы и стремление свести выбросы к нулю⁵, за Норильском по-прежнему закреплён статус одного из самых экологически загрязнённых городов.

Методология исследования

Настоящее исследование опирается на положения социального конструктивизма, согласно которым чувство места может быть описано как социально-культурный конструкт, артикулируемый в языке и «создаваемый» в ходе взаимодействия людей (Бергер, Лукман, 1995).

В качестве методологической основы в исследовании применён подход анализа качественных данных, предполагающий сбор, структурирование и интерпретацию текстов. Основным методом анализа качественных данных был выбран метод анализа нарратива. Нарративный анализ фокусируется на сообщениях, которые оставляют люди (в нашем случае — данные интервью (транскрипты) и сообщения из социальных сетей), и на языке, который они используют, чтобы осмыслить их. Это важно для глубокого понимания субъективного восприятия людей по конкретному вопросу. Созданный информантом нарратив в виде текста требует от исследователя применения инструментальных средств для выявления смысловых коннотаций. Льюинс А. и Силвер К. в числе таких средств отмечают: поиск (content searching), ассоциирование (linking), кодирование (coding), аннотирование (annotating), запросы (querying), картирование или сетевые структуры (mapping or networking) (Lewins, Silver, 2007). Применение исследователем этих аналитических ресурсов позволяет наряду с текстовым изложением нарратива конструировать его более сложную структуру (Каныгин, 2022). В представленной работе мы опираемся на автоматизированный поиск и кодирование.

Объектом эмпирического исследования является городское онлайн-сообщество «Типичный Норильск», функционирующее на базе социальной сети ВКонтакте. Выбор эмпирического объекта обоснован теоретической рамкой исследования чувства места. На основании собственных предыдущих исследований и исследований иных учёных мы полагаем, что онлайн-сообщество, посвящённое городу, в процессе регулярных и интенсивных коммуникаций формирует репрезентации символической и эмоциональной связи членов сообщества

⁵ Норильск стремится стать самым экологичным городом России к 2026 году // RuNews24. URL: <https://runews24.ru/society/06/12/2024/norilsk-stremitsya-stat-samyim-ekologichnyim-gorodom-rossii-k-2026-godu> (дата обращения: 24.03.2025).

с городом (Ненько, Недосека, 2022; Недосека, Ненько, Порошина, 2024; Недосека, Шарова, Лизова, 2025). Эти репрезентации в формате вербализованных высказываний пользователей о городе, а также в визуальном формате пользовательских фотографий к комментариям и постам формируют богатый эмпирический материал. Нарративный анализ позволяет интерпретировать эти дискурсивно разнообразные данные без заранее заготовленных категорий анализа — за счёт близкого прочтения и кодирования.

Онлайн-сообщество «Типичный Норильск» образовано в 2012 г., активно действует на момент написания статьи и насчитывает 63 тыс. подписчиков, что делает его одним из самых популярных среди других онлайн-сообществ города данной социальной сети. В сообществе обсуждаются повседневные вопросы, предлагаемые как администратором группы, так и участниками по согласованию с ним. Паблик структурирован, есть рубрики «Подслушано в Норильске», «Вопросы из других городов» и «Потери / Находки».

Эмпирическая база исследования была составлена на основании:

- текстовых сообщений, постов и комментариев к ним за 2021–2024 гг. Общее количество постов составило 4 511, из них было выбрано 110. В выборку попали посты, количество комментариев к которым превышает 50. Далее была применена автоматизированная процедура процессинга для очищения текстового корпуса с помощью библиотеки языка программирования Python nltk, которая предназначена для обработки текстовых данных (Недосека, Ненько, Порошина, 2024);
- индивидуальных глубинных интервью (18 человек — работники Надеждинского металлургического завода имени Б.И. Колесникова, Талнахской обогатительной фабрики, рудника «Комсомольский»), проведённых в 2019 г.

Данные выборки исследования не были объединены общей целью. Интервью проводилось в рамках заказного исследования, и часть вопросов гайда включала вопросы о локальной идентичности и миграционных интенциях работников комбината. Данные интервью прошли валидацию по результатам анализа постов и комментариев городского онлайн-сообщества в социальной сети ВКонтакте.

Анализ результатов

По результатам исследования содержательных компонентов чувства места, репрезентируемых жителями Норильска, мы выявили доминанты, которые можно разделить на эмоциональную привязанность к месту, восприятие Норильска как места не для всех и города — промышленной корпорации с особым профессиональным профилем — профессиями тяжёлого труда⁶.

⁶ Весь цитатный материал приведён с сохранением грамматики и пунктуации авторов сообщений с минимальными исследовательскими правками, в основном касающимися пробелов и разделения слитно написанных слов.

Любовь и ненависть: эмоции места

В рассуждениях о городе как месте проживания прежде всего выделяются природно-климатические условия как ядро эмоциональной репрезентации. Большая часть сообщений в паблике — 58,1% — посвящена северной природе и городскому ландшафту. Обращает на себя внимание положительная коннотация постов и амбивалентный характер комментариев относительно суровых климатических условий. Чаще всего посты сопровождаются фотографиями и видео, в которых демонстрируется сила вьюг и морозов, снежные заносы, полярное сияние в городском ландшафте. Зимний город — это самые распространённые сюжеты для фотографий и видео. Дискуссии под постами разделяют комментаторов на два лагеря: признающих в любви к городу и тех, кто считает, что «делать в нём нечего» и не стоит тратить «лучшие годы» жизни на проживание в нём. Для негативных сообщений характерны сравнения с тюрьмой, через которые транслируется и историческая память об основателях города — заключённых («*Уезжайте из этой тюрьмы*» (цитата из паблика, 27 лайков); «*ГУЛАГ. И не надо мне тут романтизировать. Я прожил там 25 лет*» (цитата из паблика, 13 лайков). Обращает на себя внимание количество комментариев от людей, которые уже уехали из города, в чатах Норильска этот феномен более распространён, чем, например, в пабликах Мурманска и Воркуты. Это свидетельствует о том, что люди продолжают не просто отслеживать жизнь в городе, но и комментировать посты и сообщения, демонстрируя эмоциональную связь с местом. Данные комментарии нельзя свести к единой направленности содержания: здесь встречается и скучание, и тоска («*как с корнем выдернули*»), и откровенная радость от отъезда, и призывы к оставшимся уезжать из города. Результаты проведённых интервью также подтверждают амбивалентный характер высказываний информантов: с одной стороны, «*красивая природа*», с другой — «*ужасный климат и экология*».

Также важно отметить, что осмысление места для жителей Норильска не ограничивается границами города. Как и для жителей всех арктических регионов, Север — это вернакулярный район, где норильчане представляют себя как «самых северных северян». Данное положение подтверждается постоянными сравнениями с другими арктическими городами, чаще всего — с Мурманском и Воркутой.

«Ребята это жесть, уже день на убыль пойдет, день полярный на минус, а у вас только весна. Мурманск пекся под 30 не раз. Догоняйте» (цитата из паблика, 3 лайка)

*«Воркута камернее, ***** (прим. намного хуже), меньше во всём, сильно больше заброшенных домов как в самой Воркуте, так и в окружающих ещё живых посёлках. С другой стороны в Норильске сильно хуже экология, дворы укатаны в асфальт и вообще без намёка на хоть какую то северную зелень. Он дальше от большой земли, здесь климат более континентальный, здесь только самолёт/теплоход, а в Воркуте работает ЖД круглый год.» (цитата из паблика, 2 лайка)*

Место не для всех

Город связан с горнодобывающей промышленностью и производством цветных металлов, осуществляемыми ПАО ГМК «Норильский никель», которое является одним из круп-

нейших по производству драгоценных и цветных металлов в России и в мире. Другие предприятия созданы и функционируют для обеспечения основного производства и потребностей населения (порядка 7,1% ВМП)⁷. Зависимость социально-экономического развития Норильска от «Норильского никеля» проявляется в доле промышленного производства, которая составляет более 80%. Большая часть экономически активного населения занята в промышленном секторе предприятий ПАО ГМК «Норильский никель». Комбинат — это сердце Норильска как места.

В действительности городское сообщество делится на тех, кто работает на комбинате, и тех, кто занят в других сферах, граница занятости на комбинате и вне его является стратификационной, формирующей разные возможности и стили жизни. Уровень зарплат на комбинате в восприятии жителей — это единственная причина привлечения и удержания жителей в городе. Цена такой работы — здоровье.

«Но всем известно, что не везде платят прилично. В основном, это "комбинат". В бюджете сильно не разгонишься. А тем же токарем на "комбинате", без "полярков" много не заработаешь». (цитата из паблика, 3 лайка)

«Если вы работник комбината вам теперь дорогу каждый год оплачивают, а в 2002 раз в два года оплачивали, вам явно подняли зп значительно, в отличии от материка.» (цитата из паблика, 3 лайка)

«единственное место, где можно работать это комбинат, а это тяжёлый физический труд» (цит. из интервью)

«без штанов и без здоровья останешься. Я 36 лет прожил, 18 из которых отработал в шахте» (цитата из паблика, 3 лайка)

Корпоративные политики ПАО ГМК «Норильский Никель» способствуют, с одной стороны, ощущению защищённости работников (в частности, через социальный пакет, гарантирующий доплаты за отпуск и компенсацию затрат на аренду жилья, программы удержания в виде льготного приобретения жилья в более южных регионах после 10 лет работы, а также широкие возможности повышения квалификации и переобучения за счёт компании); с другой стороны — создают контраст для жителей города, не занятых на комбинате, в виде недостижимых благ.

Заработок на комбинате также является причиной разного уровня досуга норильчан: выезды на рыбалку, горные лыжи, поездки в тундру, пользование спортивной и досуговой инфраструктурой доступны не всем. Таким образом, Норильск воспринимается жителями как город неравных возможностей и разных стилей жизни.

Подтверждением представления о том, что Норильск — это место не для всех, служит распространённая локальная идеология особого «северного человека», который способен жить в суровых климатических условиях и тяжёлых условиях физического труда. Данные об-

⁷ Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Норильск до 2035 года как опорного города Арктики (Восточной Арктики). URL: <https://xn--80aaihqaohqkqgfkec2pxb.xn--p1ai/upload/strategy2035.pdf> (дата обращения: 24.03.2025).

стоятельства, по мнению жителей города, формируют такие черты характера норильчан, как стойкость, сила, теплота и душевность.

«Норильск, как и человек, со своими недостатками и достоинствами. Только настоящий северянин понимает, что это такое. Это край суровый, который под силу сильным. Слабых север не держит» (цитата из паблика, 70 лайков)

«Каждый Норильчанин — это романтик, испытавший, что такое ГУЛАГ, что такое Север! и у нас своя национальность (норильчанин)! Потому что слабаки уезжали на материк» (цитата из паблика, 37 лайков)

«...Норильчане это самые теплые и дружные люди. Нигде таких нет...» (цитата из паблика, 45 лайков)

«На "материке" нет этой душевности» (цитата из паблика, 3 лайка)

В этой связи примечательны и воспоминания норильчан, свидетельствующие о чувстве сплочённости и взаимопомощи.

«Скажите, пожалуйста, мне приснилось, или в 90-е в Норильске было в порядке вещей, когда во время сильного ветра незнакомцы брались за руки, чтобы не упасть при ходьбе?» ответ: «Да! Было! Причём, постоянно...» (цитаты из паблика, 20 лайков)

«Норильск — это любовь на всю жизнь! Тут люди другие, жизнь другая» (цитата из паблика, 106 лайков)

Продолжая содержательный анализ комментариев норильчан в городском сообществе в социальных сетях, мы выявили третий блок тем, определяющий понимание Норильска как города не для всех. Образ «вахтовика» проявляется в преобладании негативных высказываний; посты на эту тему — самые комментируемые в городском сообществе «Типичный Норильск». По мнению большинства представителей принимающего сообщества, вахтовикам не место в городе. Данное обстоятельство может показаться нонсенсом, так как Норильск — это город приезжих. Именно с вахтовиками норильчане связывают субъективно высокий уровень преступности и различных форм девиантного поведения (пьянства и наркомании). Большая часть комментариев посвящена призывам и петициям запретить въезд и отселить вахтовиков за черту города. С нашей точки зрения, негативное отношение к вахтовикам носит исторический характер, который отмечает в своей статье Н.Ю. Замятина: «Оторванность, отгороженность Норильска периодически досоздаётся искусственно. В советское время город закрывали в 1963 г.: тогда, чтобы попасть в него на работу, надо было иметь специальный «вызов» от отдела кадров комбината, горкома или горисполкома. Открытый было в годы перестройки, осенью 2001 г. Норильск снова закрыли для иностранцев — отныне они попадают в город только с разрешения ФСБ. Официальное объяснение: в город хлынуло на заработки слишком много мигрантов (в том числе из стран СНГ); выросла преступность (норильчане, как и жители многих закрытых городов, в советское время не всегда запирали двери в квартиры); резко выросли наркомания, заболеваемость СПИДом и т. д.» (цит. по (Lewins, Silver, 2007)).

«Вахтовиков постепенно изолируют: будут привозить чартерами, заселять в отдельные гостиницы, строить спецмагазины — первый откроется уже завтра» (цитата текста поста от 26 августа 2022 года, 1 107 лайков, 322 комментария)

Причина такого отношения, по мнению норильчан, кроется в кадровой политике комбината.

«В аэропорту сразу видно контингент. Как будто на вокзалах собирали их. Своим же нет работы. Бичей дешовых по россии собирают. Не проверок ничего не делают. Вот и результат. Сколько людей посокращали и сколько сами ушли из-за того, что зарплата упала» (цитата из паблика, 15 лайков)

«Вахтовики — это дешёвая рабочая сила, можно огромную сумму на этом сэкономить. Местных здесь проверяет департамент безопасности компании и это сложная система. А вахтовики — это люди, которых нанимают подрядные организации, которых в свою очередь нанимает комбинат. И в таких условиях департамент безопасности комбината на них не распространяется» (цитата из паблика, 18 лайков)

«пока не началась политика привоза бичей всяких, и выселения молодежи, куча народу молодых парней включая меня уехали, потому что на комбинат проблематично устроиться было, не работать же торгашом в магазине. Зато под бичей куча объектов отдали, закрыли санаторий чтобы там их поселить» (цитата из паблика, 9 лайков)

Данные интервью, проведённых среди работников ПАО ГМК «Норильский Никель», подтвердили, что компания передаёт часть функционала на аутсорсинговое обслуживание. Это в значительной степени послужило причиной социального напряжения для работников комбината в связи с необходимостью их перехода на работу в дочерние организации. Часть информантов воспринимала это как сигнал к увольнению, так как дочерние компании не готовы предоставлять полный социальный пакет и различные преференции ГМК. Также было отмечено, что привлечение работников вахтового метода в значительной степени размыло трудовую культуру внутри компании, которая прежде оценивалась очень высоко.

«Вахтовик — это временный работник, он не вовлечен в коллектив, его задача простая: отработал — ушел. Они не знают кому передают смены, они не заботятся о технике, оставляют мусор. Раньше у нас такого не было» (цитата из интервью)

«Подрядные организации — это люди второй очереди. Подрядчики — это уже не коллектив. Их привозят, они не замотивированы в полной мере сделать, так как нам необходимо» (цитата из интервью)

Город-корпорация профессий тяжёлого труда

Как отмечалось выше, Норильск — типичный индустриальный город горнодобывающей промышленности. Это место тяжёлого и опасного труда, который связан с профессиями геологов, химиков, металлургов и шахтёров. Профессиональная идентичность горожан — важная часть локальной идентичности. День металлурга — самый масштабный и важный городской праздник.

«Норильск — город тружеников! Metallургов, геологов, строителей...» (цитата из паблика, 23 лайка)

«Норильск должен быть в виде зэка ГУЛАГовца, строящего город, или металлурга!» (цитата из паблика, 13 лайков, ответ на картинку ИИ, на которой Норильск изображен в виде ребёнка)

«Достойный город для роботаг металлургов и химиков. Много памятников тем, кто посвятил свою жизнь городу и работе» (цитата из паблика, 6 лайков)

«Шахтеры и металлурги — это сила-силаща!!!» (цитата из паблика, 3 лайка)

«Если человек мотивирован работой по специальности, он сюда приедет и будет работать по специальности, в крупной компании» (цитата из интервью)

Среди работников комбината профессиональная идентичность обусловлена преобладанием тяжёлого физического труда, повышенной опасностью производства и репрезентируется через маскулинность, солидарность (взаимовыручку) и ответственность (в том числе соблюдение трудовой дисциплины), концентрацию на своих прямых обязанностях.

«Ответственность, быть мужчиной, потому как нужно иметь смелость и настойчивость в мужском коллективе» (цитата из интервью)

«Мы все в одной лодке, отвечаем все вместе, я как руководитель, он как исполнитель» (цитата из интервью)

«Надо избавляться от тех, кто не держится за свою работу и относится безответственно, потому что я за них в итоге отвечаю» (цитата из интервью)

«Мотивация — это хорошее отношение. Ты выполняешь свои обязанности — к тебе хорошо относятся» (цитата из интервью)

По мнению участников городского сообщества в социальной сети «ВКонтакте» и информантов, город воспринимается как место реализации трудовой жизни, что во многом отличает его в эпоху текучей современности. Средняя продолжительность стажа работы на предприятии — более 15 лет (*«приехал на 3 года, остался на 23»* (цитата из интервью)). Один из руководителей компании отмечал в интервью, что сейчас предприятие столкнулось с вызовом — сложностями с удержанием кадров, особенно молодёжи. Для этого в компании действует ряд социальных программ («якорей»), в частности, по обеспечению льготной ипотеки на «материке», доступной по итогам 10 лет работы в компании. В целом работники комбината — это люди с ярко выраженной профессиональной идентичностью, нацеленные на её реализацию в предложенных условиях до конца трудового стажа.

«Вся перспектива здесь — в работе на комбинате. Больше ничего» (цитата из интервью)

«Все знают, что в Норникеле отношение к людям очень хорошее, это норма» (цитата из интервью)

«Чтобы люди здесь оставались, создаются различные программы, «якоря» (цитата из интервью)

Большая часть опрошенных нами информантов демонстрировала чёткие интенции на переезд по достижении пенсионного возраста. Миграция, как отмечалось и в исследованиях Замятиной Н.Ю. и Гониной Н.В., — это естественное состояние для Норильска. По истечении

экономически активного возраста большая часть населения уезжает в другие регионы, о чём свидетельствует и средний возраст жителя Норильска — около 35 лет. Зарабатывание пенсии и забота о жилье в более южных регионах — одна из самых распространённых стратегий работников комбината.

Смысл жизни в городе во многом состоит в том, чтобы обеспечить себе обустроенную жизнь в старости в более южных и экологически благополучных регионах страны, «поднять» детей и дать им возможность жить лучше (в том числе — уехать из города). Работа, по сути, является средством реализации этого смысла. Сотрудники комбината готовы идти на жертвы, за большую плату готовы работать на вредном производстве, в условиях суровой экологической обстановки. Таким образом, основной смысл работы состоит в том, чтобы обеспечить будущее, даже в чём-то жертвуя настоящим.

«В Норильске психологически тяжело жить. Но когда тебе предоставляют такую работу и такой соцпакет, стоит задуматься — может, я потерплю, но зато получу вознаграждения» (цитата из интервью)

Дискуссия

Чувство места формируется в результате взаимодействия со средой и содержательно отражается в её интерпретации. В представленной работе посредством анализа данных цифрового следа и глубинных интервью нам удалось выявить несколько важных аспектов в изучении чувства места городской среды особого статуса (Недосека, Ненько, Порошина, 2024). Во-первых, несмотря на малопривлекательный характер самой среды проживания, прежде всего, по причинам суровости природно-климатических условий и экологического состояния, чувство места носит выраженный характер. Суровость и сложность проживания содержательно конвертируются в идеологию места не для всех.

Во-вторых, роль градообразующего предприятия в индустриальных городах проявляется по-разному, особенно в городах, которые появились по указу государства. После реструктуризации экономики 90-х гг. XX в. многие промышленные города столкнулись с проблемой выживания по причине закрытия предприятий или снижения производственных мощностей. Норильск сохранил добычу полезных ископаемых и производственные мощности, что позволило сохранить и профессиональную структуру поселения. Преобладание в социальной структуре города работников комбината с их профессиональными принадлежностями — основной источник существования Норильска как поселения — сообщества работы. В этом заключается сама природа поселения: возникнув в пустоте, в непригодном для повседневной жизни месте, оно может существовать только благодаря наличию работающего предприятия. Это принципиально отличает Норильск от городов, заселявшихся естественным путём и имеющих укоренённое население (Плюснин, 2022).

В-третьих, в научной литературе имеется множество исследований, подчёркивающих важность социального измерения чувства места как индикатора привязанности к определённой локальности, вокруг которой выстраиваются идентичности (Relph, 1997; Нан, 1988;

Raymond, Kyttä, Stedman, 2017; Shamai, 1991). Локальность норильчан распространяется широко за пределы границ города и неустойчива в восприятии жителей. Север — это вернакулярный район, в котором норильчане воспринимают себя как самых «северных северян» (Недосека, Ненько, Порошина, 2024). Наше исследование подтверждает важность данного социального измерения.

В рамках дискуссии мы обращаем внимание на перспективность исследования данных цифрового следа, так как добровольно сообщаемые в онлайн-пространстве комментарии соответствуют принципам смыслового конструирования нарратива. Универсальность: нарратив всегда строится посредством естественного языка или речи. Выраженность смысла: нарратив — это рассказ, который создаётся автором для целевой аудитории, с использованием высказываний, являющихся общепонятными. Контекстная обусловленность: любое утверждение в составе нарратива обретает смысл только в определённых условиях — социальных, методологических, бытовых и бесконечно многих других (Каныгин, 2022). Как мы отмечали ранее (Ненько, Недосека, 2022), в случае анализа нарративов, используемых в настоящем исследовании, контекст задан тематически: речь идёт о конкретных обсуждениях проблем города и региона, в рамках которых выявлялись аспекты привязанности к месту. Информанты не связаны заранее заданным сюжетом исследования, который мог бы вынудить их конструировать заведомо положительные ответы на вопросы по сенситивной тематике. Контекст отъезда (вынужденной миграции) осмысливается жителями психологически остро. В комментариях к постам, в которых приводится статистика естественных и миграционных потерь, участники сообщества склонны проявлять патриотизм по отношению к месту или агрессию в сторону тех, кто пишет о проблемах. Прямые вопросы в этом случае могут провоцировать нарочитость положительных ответов, что является ограничением опросных методов. Безусловно, ограничения есть и при использовании цифрового следа, например, невозможность соблюсти репрезентативность.

Дальнейшие исследования с использованием различных выборок и других городов (регионов) Севера помогут проверить согласованность этих результатов. Обнаружение наиболее значимых компонентов и пространственных диапазонов привязанности к месту может способствовать более глубокому пониманию данного феномена (Недосека, Ненько, Порошина, 2024).

Заключение

Обсуждения горожанами места жительства в онлайн-сообществах представляют интересный эмпирический материал для анализа таких сложных и многомерных феноменов, как чувство места. Проведённый анализ нарративов позволил выявить содержательные аспекты чувства места, отсутствующие или недостаточно изученные в литературе, обусловленные контекстом существования мест.

Содержательной доминантой чувства места, выделенной эмпирически в ходе качественного нарративного анализа, является «север», воспринимающийся норильчанами гораздо шире административных границ города: региональная идентичность приравнивается к городской. Важным аспектом в данном восприятии является его структура, состоящая из понимания себя как самых «северных северян», живущих в а) настоящей Арктике с сильными морозами, 10 месяцами зимы, белыми медведями на улице и б) удалённой части мира, логистически труднодоступном месте.

Эмоциональная связь с местом амбивалентна. С одной стороны, город вызывает восхищение в связи с природно-климатическими особенностями, условиями «не как у всех», в том числе в контексте практик собирательства, эстетического созерцания природы. С другой стороны, всё те же особенности выступают предметом критики: суровость климата и экологическая составляющая негативно сказываются на самочувствии и здоровье жителей.

Городские сообщества работы — это города, в которых действует «общественный договор», регулирующий условия проживания в таком месте: получение высокой зарплаты, полярных надбавок, оплачиваемого отпуска, реализация программ по переселению, северных пенсий и прочее. Такой договор осмысливается как исключительная символическая характеристика значимости места, которая поддерживает идентичность места (Недосека, Ненько, Порошина, 2024). Большая часть социальных благ доступна только работникам ГМК, компании, которая признаётся жителями как смыслообразующая для проживания в городе. Комбинат — это место, где люди реализуют практически всю свою профессиональную жизнь, занимаясь тяжёлым и опасным физическим трудом, что встроено в локальную идентичность и чувство места как места не для всех. Константа значимости места, которая позволяет сохранить положительную идентичность Норильска и Севера, — высокое качество человеческого капитала. В комментариях проживающие в городе и уехавшие из него члены онлайн-сообщества подчёркивают доброту, терпимость, отзывчивость, силу и закалённость северян. В противовес этой константе стоит образ обобщённого другого — вахтовика, образ, имеющий исторически обусловленные причины, которые проявляются в закрытости и обособленности места, где кратковременность пребывания противоречит идеологии «северного человека» и воспринимается как негативное и осуждаемое явление. Важным выводом анализа нарративов стала выявленная темпоральность места, зафиксировавшая устойчивый образ прошлого, в котором жили «настоящие» норильчане, и неудовлетворительного настоящего, в котором вахтовики размыывают границы не только городского сообщества, но и трудовой культуры.

Таким образом, при анализе аспектов чувства места, вербализируемых членами онлайн-сообщества и опрошенными работниками комбината, понятие *чувство места* в городском сообществе работы содержательно проявилось через три доминантные характеристики: эмоциональную (амбивалентную), идеологическую (как место не для всех) и трудовую (как место, существующее при условии работы комбината с особым профессиональным

профилем). Данные доминанты не проявляются в чистом виде, во многом они взаимообусловлены и связаны. Тем не менее выделение компонентов, составляющих понятие *чувства места*, можно использовать для разграничения представлений об общем фоновом образе места (идентичность места как социальный стереотип) и о символических чертах, которые делают место значимым для конкретных людей в конкретных жизненных ситуациях.

Список источников

- Casey E.S. The fate of place: a philosophical history. Berkeley: University of California Press; 1997. 488 p.
- Devine-Wright P., Lyons E. Remembering pasts and representing places: The construction of national identities in Ireland // *Journal of Environmental Psychology*. 1997; 17 (1): 33–45. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0037>
- Gabriel Y. Glass cages and glass palaces: images of organization in image-conscious times // *Organization*. 2005; 12 (1): 9–27. <https://doi.org/10.1177/1350508405048574>
- Giddens A. Modernity and self-identity // *Social theory re-wired* / Ed. by W. Longhofer, D. Winchester. Routledge; 2023: 477–484. <https://doi.org/10.4324/9781003320609-62>
- Graham H., Mason R., Newman A. Literature review: historic environment, sense of place, and social capital; 2009. 44 p.
- Hay R. Sense of place in developmental context // *Journal of Environmental Psychology*. 1998; 18 (1): 5–29. <https://doi.org/10.1006/jevp.1997.0060>
- Hay R. Toward a theory of sense of place // *The Trumpeter*. 1988; 5 (4): 159–164.
- Lewins A., Silver C. Using software in qualitative research: a step-by-step guide. London: Sage; 2007. 283 p. <https://doi.org/10.4135/9780857025012>
- Litt E., Hargittai E. The imagined audience on social network sites // *Social Media + Society*. 2016; 2 (1): 1–12. <https://doi.org/10.1177/2056305116633482>
- Low S.M. Symbolic ties that bind. Place attachment in the plaza // *Place attachment. Human Behavior and Environment*. Vol. 12 / Ed. by I. Altman, S.M. Low. Boston, MA; 1992: 165–185. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-8753-4_8
- Norberg-Schulz C. Genius loci: towards a phenomenology of architecture. New York: Rizzoli; 1979. 213 p.
- O'Donnell P., Turner M. The historic urban landscape recommendation: a New UNESCO tool for a sustainable future // 49Th World Congress of the International Federation of Landscape Architects, IFLA 2012. Cape Town: IFLA; 2012: 454–471.
- Raymond C.M., Kytta M., Stedman R. Sense of place, fast and slow: The potential contributions of affordance theory to sense of place // *Frontiers in psychology*. 2017; 8: 1674. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01674>
- Relph E. Place and placelessness. London: Pion; 1976. 172 p.
- Relph E. Sense of place // *Ten geographic ideas that changed the world* / Ed. by S. Hanson. Brunswick, NJ: Rutgers University Press; 1997: 205–226.
- Shamai S. Sense of place: an empirical measurement // *Geoforum*. 1991; 22 (3): 347–358. [https://doi.org/10.1016/0016-7185\(91\)90017-K](https://doi.org/10.1016/0016-7185(91)90017-K)
- Stedman R.C. Is it really just a social construction? The contribution of the physical environment to sense of place // *Society & Natural Resources*. 2003; 16 (8): 671–685. <https://doi.org/10.1080/08941920309189>
- Stedman R.C. Toward a social psychology of place. Predicting behavior from place-based cognitions, attitude, and identity // *Environment and Behavior*. 2002; 34 (5): 561–581. <https://doi.org/10.1177/0013916502034005001>
- Steele F. The Sense of place. CBI Publishing Company; 1981. 216 p.
- Stewart K. A space on the side of the road. Princeton University Press; 1996. 264 p.
- Thomas R., Davies A. Theorizing the micro-politics of resistance: new public management and managerial identities in the UK public services // *Organization Studies*. 2005; 26 (5): 683–706. <https://doi.org/10.1177/0170840605051821>

- Tuan Y.F. *Space and place: the perspective of experience*. Minnesota: The University of Minnesota Press; 1977. 235 p.
- Wang F. *Theory study of urban memory // Beijing urban memory: historic buildings and historic areas, central axes and city walls*. Singapore: Springer; 2016: 1–10. https://doi.org/10.1007/978-981-10-0678-4_1
- Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ., под ред. А.Ф. Филиппова. Москва: Аспект Пресс; 1996. 255 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
- Гонина Н.В. Синдром полярной идентичности: норильчанин между севером и югом // Материалы международной междисциплинарной конференции «Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования», 10–11 апреля 2015 года. Екатеринбург: УрФУ; 2015: 95–104.
- Замятина Н.Ю. Норильск город фронта // Вестник Евразии. 2007; 1: 167–192.
- Замятина Н.Ю. Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки) // Неприкосновенный запас. 2014; 5 (97): 189–208.
- Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015; 4: 41–54.
- Каныгин Г.В. Проблемы смысловой реконструкции социологического нарратива // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022; 15 (3): 224–237. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.303>
- Недосека Е.В., Ненько А.Е., Порошина С.Е. Привязанность к месту в контексте убывающего города: анализ дискурса жителей в городском онлайн-сообществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024; 27 (2): 86–115. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>
- Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Лизова В.А. Убывающие города российской Арктики: публичный дискурс воркутинцев об идентичности места и о причинах оттока населения // Арктика и Север. 2025; 58: 177–199. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.177>
- Ненько А.Е., Недосека Е.В. Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022; 25 (1): 217–251. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>
- Плюснин Ю.М. Социальная структура провинциального общества. Москва: Commonplace; Фонд социальных исследований «Хамовники»; 2022. 448 с.
- Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. Харьков: Фолио; 2003. 503 с.

References

- Bauman Z. *Thinking Sociologically*. Moscow Aspekt Press Publ.; 1996. 255 p. (In Russ.)
- Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ.; 1995. 323 p. (In Russ.)
- Casey E.S. *The Fate of Place: A Philosophical History*. Berkeley, University of California Press; 1997. 488 p.
- Devine-Wright P., Lyons E. Remembering Pasts and Representing Places: The Construction of National Identities in Ireland. *Journal of Environmental Psychology*. 1997; 17 (1): 33–45. <https://doi.org/10.1006/jevpe.1996.0037>
- Gabriel Y. Glass Cages and Glass Palaces: Images of Organization in Image-Conscious Times. *Organization*. 2005; 12 (1): 9–27. <https://doi.org/10.1177/1350508405048574>
- Giddens A. Modernity and Self-Identity. In: *Social Theory Re-Wired*. Routledge; 2023: 477–484. <https://doi.org/10.4324/9781003320609-62>
- Gonina N.V. Syndrome of Polar Identity: The Citizen of Norilsk between the North and the South. In: *Proceedings of the International Interdisciplinary Conference "Identity and Migration in a Changing World: Methodology, Experience of Empirical Research"*. Ekaterinburg, UrFU Publ.; 2015: 95–104.
- Graham H., Mason R., Newman A. *Literature Review: Historic Environment, Sense of Place, and Social Capital*. 2009. 44 p.

- Hay R. Sense of Place in Developmental Context. *Journal of Environmental Psychology*. 1998; 18 (1): 5–29. <https://doi.org/10.1006/jevp.1997.0060>
- Hay R. Toward a Theory of Sense of Place. *The Trumpeter*. 1988; 5 (4): 159–164.
- Heidegger M. *Being and Time*. Kharkov, Folio Publ.; 2003. 503 p. (In Russ.)
- Kanygin G.V. Problems of Semantic Reconstruction of the Sociological Narrative. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2022; 15 (3): 224–237. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.303>
- Lewins A., Silver C. *Using Software in Qualitative Research: A Step-By-Step Guide*. London, Sage; 2007. 283 p. <https://doi.org/10.4135/9780857025012>
- Litt E., Hargittai E. The Imagined Audience on Social Network Sites. *Social Media + Society*. 2016; 2 (1): 1–12. <https://doi.org/10.1177/2056305116633482>
- Low S.M. Symbolic Ties That Bind. Place Attachment in the Plaza. In: *Place Attachment. Human Behavior and Environment*. Vol. 12. Boston, MA; 1992: 165–185. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-8753-4_8
- Nedoseka E.V., Nenko A.E., Poroshina S.E. Place Attachment in the Context of a Shrinking City: Analysis of the Discourse of Residents in an Urban Online Group. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2024; 27 (2): 86–115. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>
- Nedoseka E.V., Sharova E.N., Lisova V.A. Shrinking Cities of the Russian Arctic: Public Discourse of Vorkuta Residents on the Place Identity and the Reasons for Population Outflow. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2025; 58: 177–199. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.177>
- Nenko A.E., Nedoseka E.V. Urban Environment Values in Discourse of Online Neighbouring Communities. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022; 25 (1): 217–251. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>
- Norberg-Schulz C. *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. New York, Rizzoli; 1979. 213 p.
- O'Donnell P., Turner M. The Historic Urban Landscape Recommendation: A New UNESCO Tool for a Sustainable Future. In: *49Th World Congress of the International Federation of Landscape Architects*. Cape Town, IFLA; 2012: 454–471.
- Plyusnin Yu.M. *Social Structure of Provincial Society*. Moscow, Commonplace Publ., Khamovniki Publ.; 2022. 448 p. (In Russ.)
- Raymond C.M., Kyttä M., Stedman R. Sense of Place, Fast and Slow: The Potential Contributions of Affordance Theory to Sense of Place. *Frontiers In Psychology*. 2017; 8: 1674. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01674>
- Relph E. *Place and Placelessness*. London, Pion; 1976. 172 p.
- Relph E. Sense of Place. In: *Ten Geographic Ideas That Changed the World*. Brunswick, NJ, Rutgers University Press; 1997: 205–226.
- Shamai S. Sense of Place: An Empirical Measurement. *Geoforum*. 1991; 22 (3): 347–358. [https://doi.org/10.1016/0016-7185\(91\)90017-K](https://doi.org/10.1016/0016-7185(91)90017-K)
- Stedman R.C. Is It Really Just a Social Construction? The Contribution of the Physical Environment to Sense of Place. *Society & Natural Resources*. 2003; 16 (8): 671–685. <https://doi.org/10.1080/08941920309189>
- Stedman R.C. Toward a Social Psychology of Place. Predicting Behavior from Place-Based Cognitions, Attitude, and Identity. *Environment and Behavior*. 2002; 34 (5): 561–581. <https://doi.org/10.1177/0013916502034005001>
- Steele F. *The Sense of Place*. CBI Publishing Company; 1981. 216 p.
- Stewart K. *A Space on the Side of the Road*. Princeton University Press; 1996. 264 p.
- Thomas R., Davies A. Theorizing the Micro-Politics of Resistance: New Public Management and Managerial Identities in the UK Public Services. *Organization Studies*. 2005; 26 (5): 683–706. <https://doi.org/10.1177/0170840605051821>
- Tuan Y.F. *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minnesota, The University of Minnesota Press; 1977. 235 p.
- Wang F. Theory Study of Urban Memory. In: *Beijing Urban Memory: Historic Buildings and Historic Areas, Central Axes and City Walls*. Singapore, Springer; 2016: 1–10. https://doi.org/10.1007/978-981-10-0678-4_1
- Zamyatina N.Yu. Norilsk: A Frontier City. *Vestnik Evrazii*. 2007; 1: 167–192.

Zamyatina N.Yu. Social Forest-Tundra: Geographic Mobility as an Element of Family Trajectories of Residents of Northern Cities (Using Norilsk and Dudinka as an Example). *Neprikosnovennyy Zapas*. 2014; 5 (97): 189–208.

Zaporozhets O.N., Lapina-Kratasyuk E.G. Anthropology of the Digital City: On the Issue of Choosing a Method. *Ethnographic Review*. 2015; 4: 41–54.

*Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 29.03.2025;
принята к публикации 02.04.2025*

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов